

историческая справедливость заставляетъ признать, что при всей своей принципиальной враждѣ къ софистикѣ школа Сократа стояла съ ней на одной и той же почвѣ критицизма и просвѣщенія. Софистическая наука подготовила появленіе Сократа не только отрицательно, но и положительно. Ея вѣра въ силу разума и воспитанія, ея реформаторскій оптимизмъ, ея исканіе естественной справедливости, — все это создало атмосферу, въ которой созрѣлъ политическій идеаль Сократовой школы. Для этого идеала она подготовила пути. У ней не было собственныхъ силъ, чтобы идти далѣе, но Сократъ, Платонъ, Аристотель явились ея продолжателями.

IV. Школа Сократа.

1. Общая характеристика.

Ученія естественнаго права, развитыя софистами, явились первымъ шагомъ политической философіи грековъ: они впервые сдѣлали возможной постановку политической проблемы въ качествѣ философской, а не только практической задачи. Софисты приблизились къ самой сущности политической философіи, когда они поставили вопросъ: что такое право по существу, отъ природы, независимо отъ человѣческаго установленія. Этотъ вопросъ уже включалъ въ себѣ проблему наилучшаго и справедливаго устройства общества, которая должна была привести къ созданію политическаго идеала. Но только въ школѣ Сократа явились необходимыя условія для положительныхъ построеній: вѣра въ силу справедливости и способность къ творческому синтезу. Такимъ образомъ, только въ этой школѣ слагается тотъ идеаль совершенной автаркіи, который составляетъ славу греческой философіи. Условія историческаго развитія Афинъ въ своеобразномъ сочетаніи съ особенностями философской

сохраняющія свою силу замѣчанія Целлера противъ Грота, впервые отнесшаго Сократа къ софистамъ (*Die Philosophie der Griechen. II Th., S. 188*) и Siebeck, *Untersuchungen zur Poposhilhe der Griechen. Freiburg. 1888. SS. 1 ff.*

школы Сократа способствовали тому, что этот идеал получил тут классическое выражение.

Со времениThemistocles Афины выступили на путь широкой завоевательной и объединительной политики. Непобѣдимая сила внутренняго роста влекла ихъ къ расширенію границъ. Великодержавные замыслы и стремленія создавали ту необычайную энергію и подвижность афинской политики, которыя заставляли говорить объ афинянахъ, что и сами они не знаютъ покоя, и другимъ не даютъ оставаться спокойными ¹⁾. Параллельно съ этимъ направленіемъ внѣшней политики афинянъ и въ связи съ нимъ совершалась постепенная демократизація государства. Въ этомъ небольшомъ политическомъ союзѣ, только опираясь на массу народную можно было осуществить смѣлыя завоевательныя предпріятія. Еще ранѣе, въ эпоху Солона начавшійся процессъ возвышенія демократіи въ политикѣThemistocles и Перикла получилъ для себя новое и сильнѣйшее подкрѣпленіе. Державный демосъ все болѣе приобрѣталъ опредѣляющее значеніе въ судьбахъ государства, и принципъ народоправства, какъ единственно справедливаго и законѣрнаго образа правленія, становился традиціоннымъ основаніемъ политики, своего рода священнымъ догматомъ, въ которомъ хотѣли видѣть самую сущность правильно устроеннаго государства ²⁾.

Когда въ V вѣвѣ, въ эпоху начинавшагося расцвѣта философіи, стали выдвигаться новыя теченія критическаго и просвѣтительнаго характера, ревнители демократическаго строя создали цѣлую теорію въ защиту простоты и необразованности, какъ естественныхъ опоръ законнаго порядка. Представителемъ такой теоріи у Фукидида выводится демагогъ Клеонъ, одинъ изъ ближайшихъ преемниковъ Перикла въ руководительство народной массой. „Необразованность, соединенная со скромностью,—утверждаетъ Клеонъ—полезнѣе, чѣмъ умъ, соединенный съ распущенностью, и люди простые обыкновенно лучше правятъ государствомъ, чѣмъ умные; ибо послѣдніе хотятъ казаться мудрѣе зако-

¹⁾ Слова, приводимыя у Фукидида, I, 70.

²⁾ Ср. Ed. Meyer, Bd. IV, SS. 119—120.

новъ... и такимъ образомъ губятъ государство. Люди же простые, не довѣряя собственному знанію, считаютъ себя менѣе свѣдущими, чѣмъ законы... и большей частью лучше правятъ“ ¹⁾. Простота народная тутъ разсматривается какъ залогъ хорошаго правленія и твердости законовъ. Это тотъ самый взглядъ, который мы находимъ впоследствии у Руссо, утверждавшаго, что „людей прямыхъ и простыхъ трудно обмануть именно по причинѣ ихъ простоты“ и что у такихъ простыхъ людей можетъ быть наилучшимъ образомъ осуществленъ законный порядокъ ²⁾.

Но независимо отъ этой специальной теоріи, явившейся, по всей вѣроятности, отвѣтомъ на пробудившееся критическое сознаніе, аѣинская демократія имѣла и болѣе общее оправданіе, въ сознаніи гражданъ, какъ форма правленія, единственно разумная и законная. Въ извѣстной рѣчи Перикла, приводимой у Фукидида, народоправство восхваляется, какъ правленіе, основанное на большинствѣ, а не на меньшинствѣ, какъ порядокъ, соединяющій свободу съ уваженіемъ къ законамъ. Но то же самое убѣжденіе, которое казалось безспорнымъ въ эпоху расцвѣта демократіи, сохраняетъ свою силу у ея сторонниковъ и много позднѣе, послѣ цѣлаго ряда крупнѣйшихъ неудачъ, выпавшихъ на долю аѣинянъ. У Демосоена, выражавшаго, очевидно, господствующіе взгляды своей партіи, мы встрѣчаемъ то же убѣжденіе, что „правовымъ государствомъ *κατ'ἔξουβν* является лишь демократическое народное государство, такъ какъ только въ демократіи господствуетъ или по крайней мѣрѣ долженъ господствовать законъ. Во всѣхъ другихъ государствахъ личная воля одного или нѣсколькихъ сильнѣе закона“ ³⁾.

Таково было демократическое воззрѣніе, соотвѣтствовавшее утвердившейся въ Аѣинахъ формѣ государственнаго устройства. Ни у кого изъ греческихъ мыслителей это воззрѣніе не получило теоретическаго развитія: оно осталось

¹⁾ Thukid. III, 37.

²⁾ Contrat social, IV, I.

³⁾ Pöhlmann, Grundriss der griechischen Geschichte. II Aufl. München. 1896. S. 192.

на степени простого догмата, раздѣлявшагося одинаково и массой, и ея духовными вождями. Это была какъ бы утвержденная временемъ вѣра, которая не требовала уже никакихъ дальнѣйшихъ подтвержденій и доказательствъ. Когда затѣмъ въ школѣ Сократа сталъ слагаться опредѣленный политическій идеаль, среди философовъ эта старая вѣра не только не встрѣтила сочувствія, но даже вызвала рѣшительное противодѣйствіе. Такимъ образомъ случилось, что идеаль государственнаго устройства, переданный позднѣйшему времени греческой философіей, соответствовалъ не историческимъ задачамъ аѳинской демократіи, а особымъ философскимъ идеямъ, въ которыхъ прихотливо сочетались элементы дѣйствительности и мечты прошлаго и будущаго. Это былъ идеаль не историческій, а утопическій. Опираясь на воспоминанія прошлаго, на стародавнія начала греческаго государства-города, этотъ идеаль былъ вмѣстѣ съ тѣмъ философскимъ предвосхищеніемъ будущаго. Въ немъ не было только одного — сочувствія къ настоящему, къ великодержавнымъ замысламъ радикальной демократіи, къ политическимъ традиціямъThemistocles и Перикла. Въ этомъ смыслѣ идеаль, созрѣвшій въ школѣ Сократа, былъ рѣзкимъ противорѣчіемъ аѳинскому демократическому строю. Даже тѣ либерально-эгалитарныя начала аѳинскаго строя, которыя нашли сочувственную оцѣнку въ ученіи Аристотеля, были вставлены здѣсь въ особую связь философскихъ понятій, рѣшительно отдѣлявшую ихъ отъ подлинной дѣйствительности аѳинскаго государства.

Здѣсь, мнѣ кажется, слѣдуетъ искать объясненія нѣкоторыхъ своеобразныхъ особенностей идеала совершенной автаркіи: этотъ идеаль былъ задуманъ въ нѣдрахъ философской школы и отразилъ на себѣ ея духъ, — духъ углубленнаго исканія истины и напряженнаго стремленія къ нравственному совершенству. По удачному разъясненію кн. С. Н. Трубецкаго, идеаль высшей жизни, который со времени пифагорейцевъ раздѣлялся болѣе или менѣе всѣми философскими школами древности, сводился къ представленію о „жизни, проводимой въ замкнутомъ кругу избранныхъ

друзей, соединенных общностью духовных интересов, отдавших всецѣло совмѣстному исканію истины и заботѣ о совершенствованіи, о гармоническомъ развитіи своихъ духовныхъ, умственныхъ и физическихъ силъ“. Политическій идеаль греческихъ философовъ былъ созданъ въ тѣсной связи съ этимъ стремленіемъ къ высшему совершенству. Понятно, что онъ явился отрицаніемъ широкихъ замысловъ о новыхъ земляхъ и заморскихъ владѣніяхъ: онъ требовалъ тѣснаго круга близко сплоченныхъ людей, того государства-города, съ которымъ связывала греческую мысль старая традиція. Когда въ школѣ Сократа былъ поставленъ вопросъ о цѣли политическаго союза и государственной жизни, отвѣтъ на этотъ вопросъ былъ подсказанъ всѣмъ идеалистическимъ строемъ школы, ея вѣрой въ силу разума, въ возможность высшей правды и высшаго совершенства. Государство призвано служить справедливости: въ этомъ духѣ оно должно воспитывать своихъ гражданъ, и съ этой цѣлью оно должно собразовать свои учрежденія и свою жизнь. Въ противоположность демократической вѣрѣ въ правду большинства и законность народнаго правленія; здѣсь выдвигается первенство правды, основанной на знаніи, и необходимость законности, утверждающейся на согласіи съ законами божественными. Демократическому имперіализму противопоставляется совершенная автаркія, свободному самоуправленію народа—правленіе мудрыхъ и знающихъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ вся политическая жизнь въ идеяхъ философской школы Сократа поднимается на нѣкоторую необычную высоту сознательнаго и разумнаго порядка, гармонически сочетающаго общественныя противорѣчія. Платонъ въ этомъ отношеніи является лишь наиболѣе яркимъ выразителемъ основныхъ стремленій Сократовой школы, которыя у самого Сократа выражаются въ общихъ руководящихъ указаніяхъ, а у другого великаго ученика школы Аристотеля—въ болѣе умѣренныхъ и близкихъ къ дѣйствительности построеніяхъ.

Характеризуя особенности идеала совершенной автаркіи, необходимо упомянуть въ заключеніе о томъ существенномъ обстоятельстве, что онъ созданъ былъ въ IV вѣкѣ, послѣ

тяжкихъ ударовъ, понесенныхъ Аѳинами, и въ эпоху постепеннаго ихъ упадка. Роковой исходъ сицилійской экспедиціи (413 г.) въ самой демократіи породилъ неувѣренность и смущеніе, а въ кругахъ, недовольныхъ народнымъ правленіемъ, вызвалъ стремленіе возвратиться къ старому строю. Переворотъ 411 года, приведшій къ власти олигарховъ, не далъ прочныхъ результатовъ, какъ не дало ихъ и правленіе тридцати. Однако и возстановленная демократія не могла уже стать прочной и могущественной. Четвертый вѣкъ является періодомъ медленной агоніи аѳинскаго государства, утратившаго подъ конецъ свою независимость. При этихъ условіяхъ идеальныя построенія философовъ питались постояннымъ недоуверіемъ къ существующему строю, а иногда и горячей враждой къ нему. И философская мысль еще далѣе уходила на высоту отвлеченныхъ умозрѣній, создавая свой идеаль въдали отъ бѣдствій аѳинской жизни.

Мы должны теперь рассмотретьъ этотъ идеаль въ его различныхъ выраженіяхъ у Сократа, Платона, Аристотеля.
